

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКИ

В. В. Тихонов

БОРЬБА С «БУРЖУАЗНЫМ ОБЪЕКТИВИЗМОМ» В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: С. Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ И ЕГО КНИГА «ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ»¹

Изучение прошлого, находящегося на почтительном временном удалении от настоящего, традиционно считается наименее политически ангажированным видом исторических исследований. В то же время в советском государстве, где история оказалась под особенно пристальным вниманием, даже древнейшие эпохи русской истории становились предметом идеологического воздействия. И хотя тотального контроля над исследовательским процессом достичь не удалось, идеология властно вторгалась в академическую науку. Одной из форм такого вторжения были регулярные идеологические кампании. В послевоенное время (1945–1953 г.) плотность идеологических кампаний была особенно высока. Причину этого исследователи видят в стремлении И. В. Сталина и выращенной им номенклатуры мобилизовать общество в условиях не только международной напряженности, но и роста внутреннего свободомыслия, спровоцированного победой в Великой Отечественной войне [13; 16]. Проходившие кампании (борьба за советский патриотизм, борьба с буржуазным объективизмом, антикосмополитическая кампания, борьба за критику и самокритику) — это еще и своеобразная форма контроля и управления наукой. В ходе кампаний нередко руками самих же ученых выявлялись неблагонадежные элементы, проходила идеологическая мобилизация, устанавливалась корпоративная цензура печатной продукции.

Кампании коснулись всего научного сообщества, но в различных группах ученых они проходили по-разному. Многие зависело от конкретной ситуации, личных взаимоотношений, столкновения карьерных амбиций. Если официальные идеологи лишь задавали тон кампании, то ее проведение определялось общим состоянием ученой корпорации [12, с. 29–30].

Сообщество советских историков представляло сложную и крайне противоречивую картину, которую определял конфликт представителей разных методологических школ (старой дореволюционной и новой марксистской), борьба разных ученых за статус и влияние. Все это осложнялось регулярным вмешательством представителей советской власти в науку.

На этом фоне не только своей научной деятельностью, но и образом жизни заметно выделялся выдающийся исследователь средневековой Руси Степан Борисович Веселовский (1876–1952). Сделав себе имя еще в дореволюционное время активной археографической

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК-2627.2013.6).

работой и капитальной монографией «Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства» [4], он стал одним из самых заметных специалистов по истории России XVI—XVII в. Болезненно пережив крушение Российской империи и категорически не приняв советскую власть, он все же остался в СССР. В 20—30-е годы XX в. он старался незаметно работать, ведя затворнический образ жизни. Каким-то чудом он избежал ареста по так называемому «Академическому делу», когда многие выдающиеся историки оказались в лагерях. В 30—40-е годы ученый продолжал активно работать над своими трудами по истории феодального землевладения. Работу на некоторое время прервало слабеющее зрение ученого. Несмотря на внешнее затворничество, в 1946 г. его избирают академиком.

Веселовский не пытался подстроиться под стремительно меняющуюся конъюнктуру. Научное мировоззрение историка сложилось еще в дореволюционное время, и с тех пор мало менялось. Его фундаментом был отказ от априорных схем, конкретно-исторический анализ, признание равной роли различных, в зависимости от ситуации, факторов. Веселовский оставался историком-позитивистом. К марксизму, в особенности в его советской интерпретации, ученый относился скептически. По свидетельству В. Б. Кобринина, Веселовскому принадлежит следующее язвительное высказывание: «Вот были люди, которые говорили, что они марксисты, и утверждали, что в прошлом России ничего хорошего не было. Потом пришли другие люди и тоже называют себя марксистами, и говорят, что в прошлом в России все было прекрасно. Так если сами марксисты не могут понять, в чем марксизм, что же делать нам, немарксистам?» [10, с. 171]. Еще более категоричен он был в своем неприятии советского строя. Во время Великой Отечественной войны, когда патриотический порыв охватил все сообщество историков и даже те, кто прошел через репрессии, готовы были многое простить советской системе и лично Сталину, Веселовский записал в своем дневнике 20 января 1944 г.: «К чему мы пришли после сумасшествия и мерзостей семнадцатого года? Немецкий и коричневый фашизм — против красного. Омерзительная форма фашизма — в союзе с гордым и честным англосаксом против немецкого национал-фашизма»².

Центральной публикацией послевоенного периода в наследии Веселовского стала фундаментальная монография о феодальном землевладении Северо-Восточной Руси. В историографической литературе уже есть несколько работ, в которых проводится анализ книги в контексте идеологических кампаний послевоенного времени [7, с. 557—568; 11, с. 26—30; 21, с. 34—40]. Тем не менее в этих исследованиях рассматриваются лишь некоторые аспекты развернувшейся критики. Данная работа представляет собой попытку полнее рассмотреть затронутый сюжет.

К обобщающей монографии по истории землевладения Северо-Восточной Руси выдающийся историк шел очень долго. Основой для работы стали открытые им монастырские архивы, которые он разрабатывал с середины 20-х годов XX в. Две его монографии, написанные после революции [2; 3], имеют прямое отношение к книге и являются как бы подготовкой к итоговому труду. В исследовании «К вопросу о происхождении вотчинного режима» Веселовский, отталкиваясь от идей историка-юриста В. И. Сергеевича, утверждал, что иммунитет возникает в результате княжеских пожалований. Против мнения автора выступил известный историк А. Е. Пресняков, который считал, что Веселовский предложил слишком схематичное решение проблемы. Пресняков поддерживал ту точку зрения, согласно которой иммунитет — это следствие, а не причина формирования феодального землевладения [18, с. 181]. Критику концепции Веселовского продолжил Б. Н. Тихомиров, вставший на сторону А. Е. Преснякова [26, с. 4]. В обобщающей историографической статье, написанной

---

² Веселовский С. Б. Дневники. 1915—1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 78.

для издания «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», И. И. Смирнов, касаясь теории Веселовского, подчеркнул: «Несмотря на целый ряд весьма ценных и важных наблюдений и выводов по отдельным вопросам, концепция Веселовского в целом не получила признания, причем критика, в лице А. Преснякова, справедливо отметила главный недостаток построения Веселовского, состоящий в формально-юридическом подходе к проблеме крепостного права, исследование которого сознательно ведется Веселовским в отрыве от процессов социально-экономической истории» [22, с. 93].

30-е годы XX в. стали временем существенных перемен в функционировании советской исторической науки. Заметное изменение идеологических ориентиров и ценностных установок привело к отказу от схематичного социологизированного подхода к истории и частичному возврату к традиционной для дореволюционной науки форме историописания, построенной на опоре на факты. Разгром теорий М. Н. Покровского и репрессии по отношению к его ученикам способствовали тому, что историки «старой школы» получили возможность вернуться в мир науки. Публикуются работы классиков дореволюционной науки: В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова. Переиздаются монографии, вышедшие в начале XX в., таких историков, как Ю. В. Готье и А. Е. Преснякова. Учитывая то, что работы были опубликованы до установления советской власти и, следовательно, написаны с чуждых методологических позиций, такие издания снабжали вступительными статьями, в которых им давалась оценка с точки зрения советской исторической науки и большевистской партийности.

По этой же схеме в 1936 г. вышла в свет новая книга Веселовского «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.», в которой автор проследил эволюцию сельских поселений в указанный период. Он пришел к выводу, что первичной формой крестьянского хозяйства была небольшая деревня. По верному замечанию А. М. Дубровского, «картина рассеянных по значительным просторам деревень в один-три двора заставила Веселовского справедливо усомниться в “исконности и универсальности земельной общины” и коллективном (общинном) землевладении» [7, с. 563]. А это уже противоречило марксистскому взгляду на генезис феодализма.

Книга была снабжена анонимным предисловием от редакции, в котором выражалось несогласие с общей концепцией монографии. Утверждалось, что Веселовский отталкивается от теории «робинзонады, выработанной дворянско-буржуазной историографией» [3, с. 7]. По мнению редакции, историк считает, что «начальной формой землевладения в России была частная земельная собственность отдельного двора». Отметим, что более или менее близкое описание указанного выше процесса в книге можно найти лишь на с. 120, где рассказывается о заселении только района Углича. Почему авторы (автор) предисловия «раздули» из этого отрывка целую «концепцию», сказать трудно. Следует согласиться с А. М. Дубровским, который считает, что «упрек в “робинзонаде”, брошенный Веселовскому автором предисловия к его книге, был совершенно несостоятелен» [7, с. 562]. Тем не менее даже в предисловии приходилось признать, что Веселовский привлек и качественно проанализировал огромный фактический материал.

На исследование вышла критическая рецензия известного историка права С. В. Юшкова. Он повторил редакторскую ремарку о том, что Веселовский стоит на позициях буржуазной историографии [29, с. 137]. Указал он и на отсутствие классового анализа в работе. С. В. Юшков раскритиковал и мнение Веселовского о том, что деревня являлась первичной формой селения, считая это спецификой только монастырского землевладения. Подводя итоги, автор рецензии все же признавал: «Подчеркивая ошибочность основной концепции автора и ряд допущенных им ошибок и упущений, нельзя не отметить, что многие частные вопросы... были не только им заново поставлены, но и решены» [29, с. 137].

Обстоятельный разбор монографии написал Б. А. Романов. Правда, он был опубликован только в 1960 г. [20, с. 327–476]. В рецензии Б. А. Романов метко замечал особенности исследовательской стилистики Веселовского: «Над всем исследованием довлеет подчеркнутая конкретность изложения и громадная начитанность автора в источниках...» [20, с. 420]. Рецензент посчитал излишним стремление автора к «конкретно-повествовательному приему изложения» [20, с. 450]. Остановившись на многих, с его точки зрения, спорных конкретных вопросах, Б. А. Романов не согласился и с главной идеей Веселовского о деревне как первичной форме крестьянского хозяйства. По его мнению, такой формой было займище или починок, «в котором и ставится крестьянский двор или даже два и более дворов. Из починка, если он выдержал испытание некоторого времени, и возникает в официальных документах “деревня”» [20, с. 440]. Отметим, что данный вопрос до сих пор остается спорным в исторической науке.

Таким образом, работы Веселовского регулярно оказывались в центре дискуссий. Причина этого заключалась в том, что они не вписывались в магистральное направление развития советской исторической науки. Несмотря ни на что, историк продолжал занимать независимую позицию. Наглядным примером этого являются его исследования, посвященные истории опричнины, в которых он, вопреки насаждаемому сверху культу Ивана Грозного, выступил против идеализации и оправдания его политики [25].

Наконец, в 1947 г. вышел первый том фундаментальной монографии «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси». Книга касалась широкого круга ключевых проблем истории феодальной Руси. В первый том вошло две части: «Частное землевладение» и «Землевладение митрополичьего дома». Первая часть написана на высочайшем концептуальном уровне. Рассматривая упадок вотчинного землевладения в XV в., историк утверждал, что причинами его стали регулярные разделы между наследниками. Анализируя генезис феодального иммунитета, Веселовский видел истоки его появления в княжеских пожалованиях. Он отмечал большую роль иммунитета в закреплении крестьян. В его представлении введение всеобщего иммунитета для землевладельцев привело к тому, что «правительство возложило на землевладельцев полную податную ответственность за их владения» [5, с. 143]. Исходя из этого, феодалы запрещали крестьянам выход, поскольку переходы мешали исправно платить подати. Источником появления частной собственности на землю автор видел вольную колонизацию, в ходе которой осваивались ничейные пустующие земли.

Книга не вписывалась в стандарты советской историографии того времени. В центре внимания автора был не анализ экономического базиса и классовой борьбы, а эволюция правовых форм и тщательное изучение конкретно-исторической ситуации. Более того, Веселовский в своих рассуждениях отталкивался не от классиков марксизма-ленинизма или новейших идеологических директив, а от собственной интерпретации наличных исторических источников. Мысль о феодальном иммунитете как следствии княжеских пожалований в корне противоречила аксиоме о том, что власть является лишь надстройкой над социально-экономическим базисом, лишь фиксатором господства класса-гегемона. Понятно, что просто так книга не могла выйти из печати [8, с. 68]. Институт вынужден был снабдить монографию введением, автором которого стал Л. В. Черепнин. В нем писалось, что «монография представляет несомненно очень ценный вклад». Подчеркивалось, что автор ввел в научный оборот много свежего материала [5, с. 1]. В то же время признавалось, что работа написана не с марксистских позиций. Возражения вызвали излишний, по мнению автора предисловия, акцент Веселовского на правовых вопросах и игнорирование теории феодальной формации. Критике была подвергнута и «биологическая» позиция историка, видевшего причину упадка вотчины в регулярных разделах между наследниками: «Раздел... вотчин мог способствовать измельчанию боярского землевладения,

но не “разложению” феодальной системы, которое происходит много позже лишь в результате зарождения и роста новых капиталистических отношений» [5, с. 2]. Не согласился автор введения и с отказом Веселовского рассматривать иммунитет как правовую форму, а «не как особую форму внеэкономического принуждения непосредственных производителей» [5, с. 3]. И далее: «...Марксистско-ленинская методология вкладывает в понятие иммунитет классовое содержание и рассматривает его как систему господства и подчинения в феодальной деревне, организованно проводившуюся классом феодалов методами внеэкономического принуждения. Если первоначально иммунитет являлся характерным признаком земельной собственности независимо от княжеской власти, то с усилением последней она начинает рассматривать себя как источник феодальных привилегий» [5, с. 4]. Выводом стал своеобразный компромисс: в книге много новых и ценных наблюдений, но концепция, на которой базировалось исследование, является в корне неверной [5, с. 4]. Несмотря на это, книгу ждала трудная судьба.

Советскую историческую науку в наибольшей степени затронули кампании по «борьбе за советский патриотизм», «борьбе с буржуазным объективизмом» и «космополитизмом». Каждая из этих кампаний являлась продолжением предыдущей, дополняя и без того насыщенный идеологический фон послевоенного времени. Изменение внешнеполитической ситуации, начало «холодной войны» дали повод советскому руководству усилить идеологическое давление внутри страны, перейти к очередной мобилизации населения на борьбу с внутренним и внешним врагом. Так, в секретном плане пропаганды идей патриотизма от 18 апреля 1947 г. говорилось: «В современных условиях одним из наиболее вредных и опасных пережитков капитализма... является наблюдающееся у некоторых граждан СССР чувство низкопоклонства перед капиталистическим Западом, перед современной буржуазной культурой. Самое решительное и полное преодоление этого пережитка капитализма имеет первостепенное значение в деле успешного воспитания высокой коммунистической сознательности, беззаветной любви советских людей к своей отчизне»³. Историки должны были активно участвовать в развернувшейся акции. 15 марта 1948 г. на Ученом совете Института истории АН СССР был прослушан и обсужден доклад С. Д. Сказкина «О патриотическом долге советского ученого»⁴, в котором выступавший призвал усилить политическую активность историков, развернуть широкую борьбу против буржуазной историографии на основе марксизма-ленинизма, «единственно научной теории исторического знания»⁵.

В марте 1948 г. в провинции, а затем и в Москве прошло обсуждение книги Н. Л. Рубинштейна «Русская историография». В июле того же года была проведена конференция, посвященная 30-летию архивного дела в СССР. На ней крупнейшие и официально признанные советские историки, Е. В. Тарле и А. Д. Удальцов, требовали разоблачения «антинаучных концепций буржуазных историков» и четкого размежевания советской и дореволюционной буржуазной историографии [28, с. 189].

8 сентября 1948 г. в «Литературной газете» появилась статья некоего А. Кротова под названием «Примиренчество и самоуспокоенность», где он критиковал работу Института истории АН СССР в первую очередь за публикацию книги Веселовского «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси». Он писал: «Вместо того, чтобы опубликовать заведомо порочную работу, институт должен был подвергнуть серьезной критике неправильные взгляды С. Б. Веселовского, должен был помочь ему встать на единственно верные, марксистские

³ План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма. Документ Агитпропа ЦК // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы. М., 2005. С. 110.

⁴ Архив Российской академии наук (Далее – АРАН). Ф. 1577 (Института истории АН СССР). Оп. 2. Ед. хр. 175.

⁵ Там же. Л. 22.

позиции и коренным образом переработать монографию. Институт не имел права выпустить в свет книгу, способную лишь дезориентировать нашу научную молодежь» [14].

Статья быстро стала руководством для проведения кампании как внутри института, так и в печати. Вначале, видимо, для «успокоения общественности», обсуждение работы Веселовского и других авторов, подвергнутых критике, было проведено в секторе истории России до XIX в. [21, с. 34–39]. На нем глава сектора С. В. Бахрушин вынужден был признать, что книга подверглась критике в значительной степени справедливо. Он напомнил, что еще в 1943–1944 г. вставал вопрос о целесообразности публикации монографии. Тогда он и секретарь партийной организации института П. К. Алиференко выступили против. Несмотря на это, книга была включена в издательский план. Тогда возник компромиссный вариант снабдить издание критическим предисловием. Тем не менее С. В. Бахрушин, как это и было положено по негласному сценарию проходившей «критики и самокритики», взял долю вины на себя, заявив, что «виноват в том, что не выступил со своими сомнениями перед сектором и не подверг предварительному обсуждению книгу Веселовского» [21, с. 37]. Но на этом кампания идеологических проработок не закончилась.

6 октября 1948 г. на заседании Отделения истории и философии АН СССР, приуроченном к 10-летию публикации «Истории ВКП(б). Краткий курс», прозвучал идеологически воинственный доклад А. М. Панкратовой (впрочем, другой сделать было невозможно) об исторической науке. Докладчица коснулась и ситуации с книгой Веселовского. «В рядах советских историков за последнее время проявилась опасная терпимость к принципиальным ошибкам и явным рецидивам буржуазной идеологии»⁶, – говорила она. Ее возмутило то, что книга Веселовского, написанная с буржуазных позиций, не подверглась разгромной критике со стороны его коллег. Панкратова вновь подчеркнула немарксистский и несоветский подход исследователя: «Занимаясь десятки лет историей феодализма, он ни в этой книге, ни в работе о происхождении вотчинного режима, совершенно не пользовался широко известными работами классиков марксизма-ленинизма»⁷.

Центральное значение в рамках борьбы с объективизмом и космополитизмом приобрело совещание в Институте истории, прошедшее с 15 по 18 октября 1948 г. Одним из основных объектов критики стала книга Веселовского, которую все выступающие оценивали как «немарксистскую».

15 октября выступление, задававшее общий тон совещания, сделал Б. Д. Греков. Он подробно остановился на книге Веселовского, указав на то, что книга «расходится с основными выводами советской исторической науки, опирающейся на марксистскую методологию» [15]. Следом выступал Бахрушин: «Книга... не только не является марксистской книгой, но является в значительной степени проводницей взглядов, которые несовместимы с марксистским миропониманием и с марксистской научной концепцией. В сущности говоря, С. В. Веселовский сейчас является очень ярким представителем старой юридической школы, школы Соловьева»⁸. Следующее заявление Бахрушина показательное для понимания того, как, с позиций того времени, должен работать советский историк: «...Указание на то, что вопрос о возникновении частной собственности есть в значительной степени дискуссионный вопрос, сразу неправильно ставит этот вопрос, поскольку мы имеем совершенно отчетливое указание классиков марксизма, в частности Энгельса, по этому вопросу, вопрос этот не дискуссионный, он уже разрешен классиками марксизма»⁹. Здесь отчетливо проявилось то, что Бахрушин принял (хотя бы

---

⁶ АРАН. Ф. 457 (Президиум АН СССР). Оп. 1/1948 г. Ед. хр. 105. Л. 73.

⁷ Там же. Л. 74.

⁸ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 192. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 3.

внешне) требования, предъявляемые властью к работе советского историка, когда во главу угла ставилось следование указаниям классиков марксизма-ленинизма.

Подробно на работе Веселовского остановился Л. В. Черепнин. Он был редактором книги и автором предисловия, поэтому частично претензии, прозвучавшие в адрес Веселовского, касались и его. «Две ссылки на труды классиков марксизма даже нельзя рассматривать как прикрытие, — восклицал докладчик, — потому что совершенно ясно видно, что эти ссылки принадлежат не самому Степану Борисовичу, а очень неудачно вставлены кем-то из редакторов»¹⁰.

На заседании 16 октября А. М. Панкратова вновь вспомнила о Веселовском и его работе, указав на то, что появление книги является признаком неблагополучия в работе с кадрами. «Как мы сможем идеологически воспитывать кадры советской молодежи, если мы будем без всякого ограничения выпускать книги, порочные в своей теоретической основе, подобно книге С. Б. Веселовского... Говорят, что книга Веселовского — явление единичное и случайное. Но где гарантия, что при нашей склонности к примиренчеству это единичное не превратится в множественное, а случайное не станет обычным?»¹¹ — спрашивала А. М. Панкратова.

Вскоре появились печатные рецензии на работу Веселовского. Обстоятельный отзыв на монографию «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» под говорящим названием «С позиций буржуазной историографии» написал И. И. Смирнов. Рецензент признал большую фактическую базу исследования [23, с. 113–114], но теоретико-методологические основы работы были классифицированы как буржуазные. «На всем протяжении почти 500 страниц своей книги С. Б. Веселовский не цитирует ни одной работы советских историков, не ссылается ни на одно исследование, принадлежащее представителям советской историографии» [23, с. 123], — возмутился Смирнов. Он объявил Веселовского последователем «реакционной западноевропейской историографии». Автор отзыва воинственно заявлял, что марксистская теория навсегда похоронила старые концепции. Неприемлемой Смирнову показалась мысль Веселовского о происхождении частной собственности, которую тот выводил из колониционных процессов, а не из разложения общины, как о том писали классики марксизма: «Схема С. Б. Веселовского носит глубоко спекулятивный, умозрительный характер. Краеугольным камнем марксистской теории происхождения частной собственности является учение об общинной собственности на землю как первоначальной форме земельной собственности... Рассмотрение вопроса о происхождении частной собственности немыслимо вне рассмотрения общинной собственности на землю как предшественника и источника образования частной собственности на землю. Однако именно этого и нет в книге С. Б. Веселовского» [23, с. 115]. «Важнейшим теоретическим пороком» книги было названо отсутствие описания классовых борьбы как «необходимого момента» в образовании частной собственности [23, с. 116]. Не согласился Смирнов и с выводом об упадке крупного землевладения в результате семейных разделов вотчин. По мнению Веселовского, пиком развития крупного землевладения стало правление Василия Темного. Ученый назвал это «позицией своеобразного мальтузианства» и высказал уверенность, что «по крайней мере до эпохи Ивана Грозного, характерен прежде всего процесс роста этого землевладения — и главным образом за счет черных крестьянских земель» [23, с. 120]. На этом критик не остановился. Замечания сыпались как из рога изобилия. Припомнил Смирнов и позицию Веселовского по вопросу опричнины: «С. Б. Веселовский давно и настойчиво выступает против взгляда на опричнину как на политику экономического и политического разгрома боярства. Собственная точка зрения С. Б. Веселовского по вопросу об опричнине сводится к отрицанию политического значения опричного террора Ивана Грозного и к взятию под сомнение основы экономической политики опричнины — конфискации княжеского и боярского

¹⁰ Там же. Л. 54.

¹¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 193. Л. 16.

землевладения. Такому взгляду на опричнину С. Б. Веселовский противопоставляет свою схему крушения вотчинного землевладения в результате семейных разделов. Если в опричнине не было нужды, то тем самым и борьба Ивана Грозного с боярством теряет прогрессивное историческое значение» [23, с. 121]. Таким образом, Веселовский, писал рецензент, покусился на святая святых — прогрессивность опричнины как формы решения государственных проблем. Это шло вразрез с официальной исторической идеологией. Итоговый вывод рецензента был, конечно же, однозначен: это порочная и несоветская книга.

При обращении к работам Смирнова, написанным до разобранной рецензии, становится очевидным, что он и раньше придерживался точки зрения, противоположной концепции Веселовского. В этом смысле можно рассматривать критический отзыв как продолжение дискуссии. Но, учитывая контекст появления рецензии, вышедшей в напряженной идеологической обстановке и ставшей одним из элементов борьбы против «буржуазного объективизма» в исторической науке, приходится согласиться с К. А. Аверьяновым и В. Б. Кобриним, которые писали, что «характер не столько разбора, сколько приговора носила рецензия И. И. Смирнова», а замечания походили на «разделы “обвинительного заключения”» [11, с. 27]. Заметим, что предыдущие и последующие оценки работ Веселовского, которые можно обнаружить в трудах Смирнова, куда сдержаннее и объективнее. По мнению многих историографов, за спиной большинства авторов разгромных отзывов в то время стояли идеологические органы [7, с. 568].

Еще одна рецензия, написанная В. Г. Солнцевой, появилась в журнале «Советское государство и право». В целом автор солидаризировалась с выводами И. И. Смирнова: «Книга страдает органическим пороком — в ней игнорируется учение основоположников марксизма-ленинизма о феодальной общественно-экономической формации, о феодальной собственности вообще и феодальной поземельной собственности в частности» [24, с. 79]. С ее точки зрения, фундаментом марксистского учения о генезисе являются следующие положения: 1) «право собственности носит сословный характер»; 2) «земельная собственность имеет иерархическую структуру»; 3) сеньор ограничивает право вассала распоряжаться землей; 4) «право собственности на землю связано с господством над сидящим на нем населением»; 5) «крупное землевладение соединено с мелким крестьянским хозяйством» [24, с. 79]. Все это, по мнению рецензента, Веселовский сознательно проигнорировал, выстроив свою, в корне неверную теорию. «Рецензируемая работа тянет нашу науку назад» [24, с. 78], — заключила В. Г. Солнцева.

В программной статье «Вопросов истории», опубликованной по итогам кампании по борьбе с буржуазным объективизмом в исторической науке, книге Веселовского также уделили внимание: «Свидетельством живучести буржуазных концепций является книга Веселовского “Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси”, в которой важнейшие вопросы истории СССР рассматриваются с реакционно-идеалистических позиций. Нельзя не отметить одного характерного обстоятельства. Автор книги открыто противопоставил марксистской методологии буржуазную методологию и столь же открыто вступил в полемику с марксистской историографией. Институт истории по существу не ответил на этот вызов и в своем предисловии к книге всячески рекомендовал ее читателю» [19, с. 7]. Заметим, что погромная статья не спасла журнал «Вопросы истории» от выговора за то, что критика прозвучала слишком поздно¹².

Анализ отзывов позволяет сделать вывод, что критика не касалась основных положений исследования. Упор делался на идеологическую и теоретическую составляющие. Отдел агитации и пропаганды ЦК партии в 49–50-х годах XX в. проводил проверки в Институте истории, и Веселовский попал под пристальное внимание «органов». По итогам проверок была вынесена следующая резолюция: «Академик С. Б. Веселовский... проповедовал идеалистические концепции буржуазно-либерального толка, порой сближающиеся с кадетскими» [9, с. 150].

---

¹² Постановление политбюро ЦК ВКП (б) о новом составе редколлегии журнала «Вопросы истории» // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы. С. 350–351.

Причина критики книги Веселовского лежит на поверхности. Его концепция плохо вписывалась в советскую историческую науку, была в ней инородным телом, что делало работу очень удобным объектом для критики в условиях идеологических кампаний. Более того, историк отказался выполнять даже ритуальные и обязательные требования. Так, в книге не было ни одной ссылки на В. И. Ленина и И. В. Сталина. Все это и привело к описанному выше итогу.

Одним из активных критиков автора «Феодального землевладения...» оказался другой выдающийся историк, Л. В. Черепнин. Цекотливость ситуации заключалась в том, что именно Веселовский, а также С. В. Бахрушин и А. И. Яковлев помогли Черепнину, человеку, прошедшему лагерь, защитить кандидатскую диссертацию [1, с. 96]. Поэтому его поведение в ходе проработок вызвало негативную реакцию многих маститых ученых. Например, М. Н. Тихомиров после этих событий считал Черепнина пустым и лицемерным¹³ и всячески препятствовал его избранию в АН СССР [17, с. 24]. В дальнейшем Черепнин продолжал в своих исследованиях отстаивать идеи, в целом противоположные взглядам Веселовского. Тем не менее именно он стал автором первого обстоятельного очерка о жизни и творчестве Веселовского. Работа была написана в 70-е годы XX в. и опубликована в 1977 г. В ней, касательно монографии о феодальном землевладении, он, по сути, повторял свои предыдущие выводы: «Монография, несомненно, является вкладом в науку, сделанным мастером источниковедения, что отмечали еще все рецензенты и критики Веселовского. Однако методология исследования Веселовского вызвала серьезные возражения. Книга появилась в печати в то время, когда была ясно осознана необходимость усиления борьбы с буржуазным объективизмом. Поэтому критика Веселовского отличалась большой остротой» [27, с. 168].

Время расставило все по местам. Иная оценка монографии была дана позднее. Л. В. Данилова указывала на «Феодальное землевладение...» как на крупную и важную для развития историографии работу [6, с. 129–132]. Русско-американский историк Г. В. Вернадский, называя Веселовского наиболее крупным знатоком в области истории землевладения и налогообложения России XVI–XVII в., признавал выдающееся значение книги [30]. В своих воспоминаниях А. А. Зимин писал, что «глубина исследования в книге просто непостижимая» [8, с. 69].

Степан Борисович после травли окончательно дистанцировался от коллег по цеху, все время проводил у себя на даче. До своей смерти он успел написать несколько генеалогических и историко-географических очерков, работал над исследованиями по истории опричнины. Смерть ученого наступила 23 января 1952 г. Похороны выдающегося историка, академика прошли без обычной для этого помпезности. 26 января пришедших проводить историка в последний путь было немного. М. Н. Тихомиров записал в своем дневнике: «...Ушел от нас еще один крупный историк-эрудит... Имя не всем знакомое, но славное»¹⁴.

Литература

1. Бурдей Г. Д. Историк и война. Саратов, 1991.
2. Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.
3. Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936.
4. Веселовский С. Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915–1916. Т. I, II.
5. Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. I.
6. Данилова Л. В. Изучение истории средневековой России // Очерки истории исторической науки СССР. М., 1985. Т. V. С. 139–142.
7. Дубровский А. М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.

¹³ АРАН. Ф. 693 (М. Н. Тихомиров). Оп. 6. Ед. хр. 3. Л. 23.

¹⁴ Там же. Л. 6.

8. Зимин А. А. Несравненный Степан Борисович // Александр Александрович Зимин. М., 2005.
9. Клапюк В. Т. А. И. Яковлев — историк, педагог, библиотекарь, библиограф: (к 60-летию великой победы и 75-летию МГУКИ) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2005. № 2. С. 71–75.
10. Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992.
11. Кобрин В. Б., Аверьянов К. А. С. Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1989.
12. Кожевников А. Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 26–58.
13. Костырченко Г. В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009.
14. Кротов А. Примиренчество и самоуспокоенность // Литературная газета. 1948. 9 сентября. С. 3.
15. Мосина Э. В. О работе Института истории Академии наук СССР // Вопросы истории. 1948. № 11. С. 144–149.
16. Наджафов Д. Г. Введение // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы. М., 2005. С. 5–22.
17. Павленко Н. И. Воспоминания историка // Родина. 2010. № 10. С. 22–24.
18. Пресняков А. Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость // Летопись занятий постоянной Историко-Археологической комиссии. За 1926 г. Вып. 34. М., 1927. С. 174–192.
19. Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 3–12.
20. Романов Б. А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XVI–XVII вв. М.; Л., 1960. С. 327–476.
21. Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений. М., 2008.
22. Смирнов И. И. Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 91–103.
23. Смирнов И. И. С позиций буржуазной историографии // Вопросы истории. 1948. № 10. С. 115–124.
24. Солнцева В. Г. Рец. на кн.: Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. I // Советское государство и право. 1948. № 10. С. 73–78.
25. Споров Д., Шокарев С. Историк Московского государства в Сталинской России: к биографии С. Б. Веселовского (1876–1952). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/78/spob.html>.
26. Тихомиров Б. Н. К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси // Историк-марксист. 1936. № 3. С. 3–25.
27. Черепнин Л. В. С. Б. Веселовский (творческий путь) // Черепнин Л. В. Отечественные историки. XVIII–XX вв. М., 1984. С. 154–179.
28. Шаханов А. Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна // История и историки. Историографический вестник. 2004. М., 2005. С. 186–207.
29. Юшков С. Рец. на кн.: Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936 // Историк-марксист. 1938. № 1. С. 134–137.
30. Vernadsky G. Review Veselovsky S. B. Feodalnoe zemlevladienie v Severo-Vostochnoi Rusi. Moscow and Leningrad. 1947 // Speculum. A journal of mediaeval studies. Vol. XXIII. 1948. P. 691–696.